

Начнем с первой нестыковки.

Чжао Цзи посмотрел на размашистую, летящую подпись и оттиск печати в самом конце судебного свитка и повернулся к Чжао Цяню:

— Ты утверждаешь, что был мертвецки пьян и ничего не соображал, когда подписывал это?

— Все так, Ваше Величество, — отозвался тот.

Подпись действительно выглядела небрежной, даже лихой. Но рука пьяного человека обычно гуляет так, что буквы летят вкривь и вкось, особенно если он, по собственным словам, уже лыка не вязал. Как мог находящийся в беспамятстве человек уложить оттиск печати строго по правилам канцелярского делопроизводства? Печать стояла точно внизу, вровень с последним иероглифом подписи — ни миллиметром выше, ни миллиметром ниже.

Для пьяного в стельку это физически невозможно.

Вывод напрашивался сам собой: либо Чжао Цянь лгал и подписывал бумагу на трезвую голову, либо ни к подписи, ни к печати он вообще не прикасался.

И это было первой брешью в обвинении.

Затем Чжао Цзи развернул свиток к Хэ Цивэю:

— Твоя рука?

В панике старик едва сумел сфокусировать взгляд, но по тем немногим иероглифам, что успел выхватить, узнал собственный почерк. Абсолютное сходство.

— Почерк... почерк раба Вашего Величества, — задрожал он, — но клянусь, я этого не писал! Молю, Ваше Величество, разберитесь!

Старика было искренне жаль. Всю жизнь проработал верой и правдой, тихо сидел в Управе Кайфэна, мечтая лишь о спокойной старости, и надо же — прямо перед отставкой на него свалилась такая беда. За сегодняшний день бедняга столько раз повторил просьбу разобраться, что эти слова, небось, уже потеряли для него всякий смысл.

«Разберитесь...» Легко сказать. Много ли в мире судей, способных безошибочно отделить ложь от истины?

Чжао Цзи вновь вчитался в текст. Документ был составлен канонично, слог — безупречно сух.

Однако при дотошном изучении иероглифов император заметил две крошечные детали. В самом начале свитка виднелся едва заметный, серый след от смазанной туши. А во второй строке у одного из знаков откидная черта слегка выбилась за воображаемую границу столбца.

Обычный человек даже внимания бы не обратил. Но Хэ Цивэй страдал тяжелейшей формой перфекционизма — он даже полы халата расправлял перед тем, как опуститься на колени.

Разве законченный аккуратист потерпел бы кляксу на официальной бумаге? Разве позволил бы руке дрогнуть и вывести кривую черту?

В прошлой жизни у Чжао Цзи был знакомый с подобным расстройством — тот впадал в ярость, если в рабочем отчете шрифт съезжал хотя бы на пункт, или если иероглиф выглядел непривычно из-за редкого начертания. Хэ Цивэй явно был из той же породы.

Даже если этих двух мелочей недостаточно, чтобы судить о привычках судьи Хэ, сравнение с его прошлыми трудами расставит все точки над «i».

— Ступай в Управу Кайфэна, — распорядился Чжао Цзи, повернувшись к одному из слуг. — Живо доставь сюда все архивные дела, которые вел Хэ Цивэй с самого момента своего вступления в должность. Одна нога здесь, другая там.

Услышав это, Хэ Цивэй похолодел.

"Конец, — пронеслось у него в голове. — Если государь действительно велит сопоставить почерки, то против неопровержимых улик никакие оправдания не помогут".

В этот момент старик уже сам начал сомневаться в собственном рассудке. Вдруг на него напало какое-то помрачение, и он совершил все эти бесчинства в состоянии беспамятства?

Пострадавшая в один голос свидетельствует, что именно он приказал стражникам бить ее. Сами стражники подтверждают: шесть дней назад приказ пытать госпожу Цуй-Дун отдал лично судья Хэ. Правитель Кайфэна, князь Чжао, твердит, что сквозь пьяный туман помнит, как Хэ Цивэй подошел к нему и буквально вложил кисть в руку, заставив подписать бумагу. И, в довершение всего, злополучный судебный свиток написан его собственной рукой.

Когда человек начинает подозревать у себя раздвоение личности, он внутренне готов сознаться в чем угодно.

Вскоре три молодых евнуха, стигаясь под тяжестью, внесли в зал целые стопки пожелтевших свитков.

Чжао Цзи быстрым шагом подошел к ним, выхватил один документ, бегло просмотрел его, отложил и тут же взялся за следующий.

Минуло не больше четверти часа, а император уже перебрал горы бумаг. Сомнений не оставалось: Хэ Цивэй действительно был неисправимым педантом. Каждое его дело было оформлено безукоризненно, строчка к строчке. Даже словесные формулировки повторялись с точностью до знака. И ни на одном из сотен листов не нашлось ни единой пометки, ни одной дрогнувшей черты.

— Этот свиток писал не ты, — с облегчением выдохнул Чжао Цзи.

Конечно, теоретически существовал иной сценарий: Чжао Цянь мог разыграть комедию с пьяной подписью, чтобы отвести от себя подозрения, а Хэ Цивэй — намеренно оставить кляксы и кривые черты, идя наперекор своей привычке.

Факты упрямы, но сфабрикованные улики порой превращаются в хитроумную матрешку из двойных и тройных уловок.

Однако в данном случае вероятность этого стремилась к нулю.

Подобный расчет сработал бы лишь при одном условии: кто-то должен был заметить эти ничтожные погрешности. Если промашку Чжао Цяня еще мог разглядеть внимательный взгляд, то в древности, где само понятие психологии отсутствовало, никто и слыхом не слыхивал о маниях и навязчивых состояниях. Кто бы догадался, что безупречная аккуратность чиновника — это непреложный закон его разума?

Вряд ли злоумышленник стал бы строить защиту на надежде, что следователь окажется гением, заметит крошечный след туши, поймет особенности характера подозреваемого и бросится перекапывать архивы для сравнения.

Стратегия «я докажу невиновность тем, что мой враг окажется невероятно умен и найдет скрытую зацепку» — это безумная лотерея, где ты отдаешь свою жизнь в чужие руки. На такой смертельный риск никто бы не пошел, разве что зная наперед возможности ума своего противника.

Хэ Цивэй уже почти уверился в собственной вине и безумии. И вдруг государь во всеуслышание объявляет, что его рука не причастна к этому подлогу!

Старик разрыдался от нахлынувшего облегчения и принялся истово бить челом, твердя одно и то же:

— Ваше Величество мудр! О, Небо, Ваше Величество воистину мудр!

Чжао Цзи швырнул свиток ему в руки:

— Сам взгляни.

Хэ Цивэй дрожащими пальцами поймал бумагу. До этого он лишь мазнул по ней взглядом, сиюсь угадать знакомые очертания букв. Теперь же, всмотревшись пристально, он мгновенно заметил те самые изъяны, от одного вида которых у него внутри все переворачивалось. Написать такое сам он не смог бы даже под страхом смерти.

— И правда... это не моя работа, Ваше Величество! — вскинулся он, сияя от счастья. — Хвала вашей мудрости!

С Хэ Цивэя подозрения были сняты, а значит, и вина Чжао Цзя становилась сомнительной.

Теперь главным ключом к разгадке оставались схваченные стражники Управы.

В голове Чжао Цзи вновь вспыхнула мысль, которую он обдумывал уже не раз: могут ли показания госпожи Цуй-Дун и заверения Хэ Цивэя одновременно быть чистейшей правдой?

Конечно, могут.

Император давно подозревал нечто подобное. В конце концов, раз уж перед ним стоял живой Ли Сюньхуань, то и мир этот отчасти подчинялся законам его родной вселенной, где искусство маскировки, знаменитая техника изменения облика, было делом обыденным.

Наметив нить расследования, Чжао Цзи велел увести из зала всех случайных стражников, не имевших прямого отношения к делу.

Когда конвой вывел толпу из Зала Гражданской Добродетели, дышать стало заметно легче. В просторном помещении осталось лишь с десяток гвардейцев, державших под прицелом обнаженных клинков восьмерых раненых скупщиков и двоих тюремщиков без малейших признаков внутренней силы ци, на которых указала госпожа Цуй-Дун.

Чжао Цзи знаком велел канцлеру Хань Чжуняню подняться с колен и, выказывая уважение к его высокому чину, приказал подать ему кресло. Лишь после этого он обратился к ученому:

— Ли Сюньхуань, общи их.

Раз уж эти люди принадлежали к цзянху, то и разбираться с ними следовало по законам боевого братства. Единственным, кто здесь хоть что-то смыслил в делах лесных и речных кланов, был Ли Сюньхуань.

Император не стал бы давать столь странное поручение благородному мужу без веской причины. Ли Сюньхуань мгновенно уловил замысел государя. Проводя обыск, он искал не золото, а знаки отличия, жетоны тайных обществ или скрытые клейма на коже пленников.

Уже через несколько минут он подошел к трону и почтительно протянул на раскрытых ладонях находку, изъятую у семерых раненых.

Чжао Цзи опустил взгляд. Перед ним лежали семь одинаковых медных монет весьма причудливой формы.

— Что это?

— Ваше Величество, скромный слуга мало сведущ в делах цзянху, но эта вещь мне знакома. В народе ее зовут листовой монетой. Это опознавательный знак Банды Денежного Листа.

Присутствовавшие в зале сановники, за исключением самого Чжао Цзи, были бесконечно далеки от преступного мира и бродячих воителей. Хань Чжунянь недовольно нахмурился:

— Что еще за сброд?

Тайное общество смеет распоряжаться в столичной Управе Кайфэна как у себя дома? Если это правда, то вольница цзянху зашла слишком далеко и представляет смертельную угрозу для государства.

— Изначально Банда Денежного Листа была лишь союзом мелких лавочников, лоточников и носильщиков, — пояснил Ли Сюньхуань. — Обычное сборище бедняков, во многом похожее на Банду нищих. Они держались друг за друга, помогая выжить в трудные времена. Но несколько лет назад у них объявился новый вожак — молодой мастер, вернувшийся из Городка Двух Стягов, что в Западных землях. Владея выдающимися боевыми искусствами, он быстро прибрал к рукам власть, одолев прежних старейшин. Став главой, он ввел жесткую иерархию: те, кто верно служил банде, получали продвижение по службе, а вместе с ним — доступ к тайным техникам развития внутренней силы ци.

Для высокородных вельмож, смутно представлявших, что такое внутреннее мастерство, рассказ Ли Сюньхуаня звучал как фантастическая сказка. Хэ Цивэй растерянно пробормотал:

— Но как эти разбойники ухитрились проникнуть в мою Управу? Вот этого малого я отлично знаю! Он служит у меня судебным исполнителем с самых юных лет!

Судья указал на бледного парня, который пытался спрятаться за спинами товарищей.

— Сначала появились уличные работяги, затем возникла банда, и лишь потом глава обучил их боевым искусствам, — мягко пояснил Ли Сюньхуань. — Они не засылали шпионов. Эти люди — одновременно и члены Банды Денежного Листа, и верные слуги закона в Управе Кайфэна. Члены этой секты рассеяны повсюду: по первому зову они собираются в грозную силу, а выполнив приказ, мгновенно растворяются в бурлящем потоке столицы. Им не нужно было никуда проникать — они изначально жили здесь и занимались своим привычным делом.

В Зале Гражданской Добродетели повисла мертвая тишина, изредка прерываемая судорожными вздохами.

Смысл слов Ли Сюньхуаня дошел до каждого.

Выйдя из дворца, почтенные министры могли встретить члена банды в лице зеленщика на рынке, возницы, нанятого у ворот, или бродячего торговца сладостями. Тайная паутина опутала весь Кайфэн.

Мысль о том, что под боком зреет столь мощная и незаметная сила, заставила вельмож содрогнуться. Теперь они и спать спокойно не смогут, ожидая удара из темноты.

— Подобную заразу нужно выжигать каленым железом! — процедил сквозь зубы Хань Чжунянь. — Устроить облаву, выследить каждого и вздернуть прямо на площадях!

Один из плененных стражников не выдержал и с отчаянием выкрикнул:

— Наша банда создана лишь для защиты обездоленных! Мы никогда не нарушали законов империи, не грабили честных людей и уж тем более не помышляли о смуте! За что же вы хотите извести нас под корень, господин министр?!

Чжао Цзи сидел, подперев подбородок рукой, и хмурился.

"Городок Двух Стягов в Западных землях... — это название не давало ему покоя. — Оно кажется безумно знакомым, но где именно в оригинале «Летающего кинжала Малютки Ли» оно упоминалось?"

Словесная перепалка вывела его из задумчивости. Император усмехнулся, устремив тяжелый взгляд на говорившего стражника, и указал пальцем на скорчившуюся на полу госпожу Цуй-Дун:

— Не нарушали законов, говоришь? В глаза этой женщине посмотри и повтори то, что сейчас брякнул!

Тот вспомнил, как шесть дней назад безжалостно наносил удары тяжелой палкой по хрупкому телу несчастной, вжал голову в плечи и умолк.

Его товарищ, оказавшийся сообразительнее, поспешно забился лбом о каменные плиты пола:

— Пощадите, Ваше Величество! Мы и в мыслях не держали кого-то губить! Сверху пришел строгий наказ от главы: оказывать всяческое содействие любому, кто предъявит особый жетон нашего братства.

Чжао Цзи подался вперед, не ослабляя напора:

— Какого рода содействие?

<http://bllate.org/book/18987/1917505>